

Боровкова Ольга Владимировна, Боровков Александр Михайлович

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ: УТРАЧЕННЫЕ ПОЗИЦИИ

В статье анализируются изменения представлений об историческом прошлом, что обусловлено сложностью и неоднозначностью данной категории. Постепенно накапливающееся недоверие к достоверности знаний о реальности прошлого в рамках традиции модернизма привело к пересмотру его позиций постмодернистами, которые отрицают его незыблемость, самодостаточность. Прошлое уже не мыслится как историческая реальность и характеризуется в терминах "другое", "чужое". В связи с этим возникает проблема познания исторического прошлого, решения которой представлены в различных формах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 56-60. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Тем не менее к началу 1950-х гг. в результате очередного напряжения производительных сил, трудового подвига народа в исторически короткие сроки удалось осуществить переход от производства, ориентированного на нужды войны, к производству гражданской продукции, восстановить довоенный уровень экономики.

Доходы бюджета Мордовской АССР на 1950 г. составляли 337 871,0 тыс. руб., расходы – 337 230,0 тыс. руб., с превышением доходов над расходами в 641,0 тыс. руб. [Там же, д. 52, л. 317].

Аккумулированные средства шли на дальнейшее укрепление оборонной мощи страны, увеличение государственных резервов и запасов, финансирование социально-культурных мероприятий. Расходы государственного бюджета в 1950 г. увеличились в 2,4 раза по сравнению с 1940 г., в том числе на народное хозяйство – более чем в 2 раза. Почти в 3 раза по сравнению с 1940 г. выросли в 1950 г. расходы на социально-культурные мероприятия [1, с. 46].

Таким образом, в рассматриваемый период начинается ускоренный перевод предприятий республики на выпуск мирной продукции. В годы первой послевоенной пятилетки наибольший удельный вес приобретают отчисления от налога с оборота, увеличивается налоговый пресс сельского населения. Главными расходными статьями вновь становятся народное хозяйство и социально-культурные мероприятия.

Список литературы

1. Марискин О. И. Налогообложение российской деревни в 1946-1953 годах (по материалам Мордовской АССР) // Экономическая история. 2012. № 2. С. 46-52.
2. Матвеев А. П. Система управления промышленностью строительных материалов во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов: региональный уровень // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 54-60.
3. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р-234. Оп. 4.
4. ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 6.
5. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 40.

BUDGET POLICY OF THE MORDOVIAN AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC IN 1946-1950

Bogdashkina Yuliya Viktorovna
Ogarev Mordovia State University
yulia91.08@rambler.ru

The article examines the issues connected with activities in the area of the budget policy of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic in the period of the first post-war five-year plan (1946-1950) – the changes of the tax system (the abolition of emergency tax, the reconsideration of the tariff rates of agricultural tax), the reorientation of the revenues and items of expenditure of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic budget. The conclusion is made about the increase of the role of turnover tax in the state finance and the significant growth of taxation pressure on the rural population.

Key words and phrases: budget; budget policy; agricultural tax; turnover tax; post-war difficulties.

УДК 165.9

Философские науки

В статье анализируются изменения представлений об историческом прошлом, что обусловлено сложностью и неоднозначностью данной категории. Постепенно накапливающееся недоверие к достоверности знаний о реальности прошлого в рамках традиции модернизма привело к пересмотру его позиций постмодернистами, которые отрицают его незыблемость, самодостаточность. Прошлое уже не мыслится как историческая реальность и характеризуется в терминах «другое», «чужое». В связи с этим возникает проблема познания исторического прошлого, решения которой представлены в различных формах.

Ключевые слова и фразы: историческое прошлое; историческая наука; социально-историческое время; нарратив; ностальгия.

Боровкова Ольга Владимировна, к. филос. н., доцент

Боровков Александр Михайлович, к. филос. н.

Рубцовский индустриальный институт (филиал)

Алтайского государственного технического университета имени И. И. Ползунова

o.v.borovkova@gmail.com; bam-alexsan@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ: УТРАЧЕННЫЕ ПОЗИЦИИ[©]

Одной из наиболее важных категорий исторической науки является прошлое. Тема исторического прошлого далеко не нова, но те изменения, которые происходят в представлениях о содержании, значении и роли элементов сложного объекта исторической науки, напрямую затрагивают и данную категорию.

Позиции прошлого в историческом познании в настоящее время неопределенны. Это связано, прежде всего, с тем, что историческая наука находится на пересечении двух основных традиций – модернистской и постмодернистской. Выявление различий в понимании прошлого показывает характер и направление дрейфа этого понятия в смысловом поле, позволяет определить статус исторического прошлого, приблизиться к решению проблемы возможности его познания.

С точки зрения представителей модернизма, прошлое заявляет о себе следующими сильными позициями. Оно выступает в качестве: 1) элемента объекта исторической науки; 2) исторической реальности, включающей в себя все модусы времени; 3) модуса времени. Его преимущества для исторической науки были обусловлены тем, что оно представлялось реализованным, неизменяемым, другими словами, безусловной реальностью.

Его влияние усиливалось и тем, что в данной традиции социально-историческое время выступало как линейное, охватывающее весь мир, а прошлое как всемирное начало этого времени, что считалось одной из его особенностей, так как время физическое, например, – может начинаться в любой точке. Такой образ основывался на принципе всеобщего прогресса человечества. «Всеобщее» прошлое предполагает иерархию государств и обществ, что привело к тому, что критерием движения всего общества во времени стало полагаться западное общество. Прошлое как историческая реальность с точки зрения модернистов распространяет свое влияние на настоящее и даже на будущее.

Признание прошлого исторической реальностью дает возможность соприкосновения с ним через источники, но в целом принципы исторического познания в данной традиции почти не отличаются от таковых в естественных науках. Историческое прошлое вполне возможно реконструировать, как и процессы, происходящие в природе. Такой образ прошлого полагался залогом истинности исторического знания.

Несмотря на представления о «силе» исторического прошлого именно в рамках модернизма стали зарождаться сомнения по его поводу. Признание его целостности, реальности, неизменяемости, довлеющего влияния относительно настоящего и будущего приводит к тому, что через него не только становится возможной трансформация мифологических представлений, но и затрудняется их критика, и, соответственно демаркация исторической науки от различных видов вненаучного знания.

Достаточно сильный «удар» по прежним взглядам на прошлое был нанесен Ф. Brentano, Э. Гуссерлем и М. Хайдеггером. Австрийский философ Ф. Brentano настаивал на том, что прошлое существует только в силу отнесенности к настоящему. Прошлое, настоящее и будущее, по его мнению, составляют неразрывную целостность, но прошлое и будущее постигаются через опыт созерцания («протерэстеза»), даны в суждении, в отличие от настоящего, данного с очевидностью в восприятии [19].

Э. Гуссерль разрушает целостность прошлого, разбив его на две части и выделив «ретенции» (только что прошедшее прошлое, акты деятельности кратковременной памяти) и прошлое, данное человеку в виде актов долговременной памяти. Более того, он лишил историческое прошлое особого положения и уподобил его будущему, разделенному на «протенции» (скорое будущее) и отдаленное будущее. Также он заявил о принадлежности ретенций и протенций настоящему в качестве его необходимых моментов, показывающих его «направления» и отличающихся друг от друга лишь этим [6, с. 118]. Являясь в некоторых моментах последователем Гуссерля и используя его взгляд на проблему времени, М. Хайдеггер идет еще дальше, выдвигая идею времени, как чего-то исполненного, целостного, где будущее, настоящее и прошлое сливаются в единство [18]. Таким образом, философы наносят удар по «главенству» прошлого в историческом времени, нарушают его незыблемость и самодостаточность.

Р. Дж. Коллингвудом была подвергнута сомнению идея «действительного» исторического прошлого, если сказать точнее – идея «телесного» прошлого. Он переводит его в сферу мысли (история – это история мысли) [11, с. 193]. Л. Голдстейн, признавая историческое прошлое реальным, отмечал, что для исторического исследования это не имеет практической значимости. Прошлое для историков недоступно, поэтому историческое исследование – это конструирование его образа на основе источников. Эти образы сравнимы только между собой [22].

А. Данто в своей работе «Аналитическая философия истории» обратил внимание на невозможность полного описания прошлого. Причиной этого он называет то, что «наше знание о прошлом существенно ограничено нашим незнанием будущего» [8, с. 25]. Так, например, в качестве примера он приводит факт рождения Дидро. Историческим это событие стало лишь после написания им «Племянника Рамо» [Там же, с. 27]. То есть прошлое изменяется с течением времени и постоянно раскрывается в настоящем, поэтому максимально полное описание прошлой реальности невозможно.

Также Данто обосновывает отказ от тождества прошлого и его описания (нарратива). Он пишет: «Если бы карта полностью описывала ландшафт, то стала бы этим ландшафтом. Поэтому нарратив должен рассматривать только необходимые аспекты прошлой реальности, связывая реальность и единичные высказывания» [Там же, с. 14].

Р. Коллингвуд, ссылаясь на работу М. Оукшотта «Опыт и его формы» приводит иной довод в пользу того, что прошлое не является неподвижным, завершенным, оторванным от опыта настоящего. Оукшотт считает, что понимать его таким образом – значит забыть о том, что история – опыт. Историческое прошлое – это мир идей, созданный свидетельствами прошлого, существующими в настоящем, и любое движение в опыте всегда оказывается движением в границах современного мира идей [Цит. по: 11, с. 148]. Таким образом, все более крепла идея о том, что факты истории даны в настоящем, а прошлое, составлявшее в модернистских представлениях онтологическую основу исторического познания, выступавшее как особая объективная реальность, начинает утрачивать свою значимость для исторической науки, его «теснит» настоящее, осуществляющее экспансию как по отношению к прошлому, так и к будущему.

Прошлое, теряя статус реальности, все больше стало пониматься как нарратив, репрезентирующий его (прошлое) и организующий историческое знание. Центром стал текст, создающий квази-реальность, которая способна заменять собой описываемое. Такая точка зрения была связана с тем, что представители школы Анналов выдвинули тезис о «непрозрачности» текста.

В этой ситуации прошлое не может мыслиться как самостоятельная реальность – без субъекта, который призван с пристрастием задавать ему вопросы. Возникла ситуация, которую А. Буллер охарактеризовал следующим образом: «Без субъекта нет и не может быть “исторического объекта”» [4, с. 31]. Субъект становится определяющим процесс исторического познания, так как для него «объектами прошлого» являются его же знания о событиях и процессах прошлого. События прошлого не признаются существующими в действительности, – они имеют место лишь как предположения в виде текста.

В модернистской традиции историческое прошлое выступало как средство идентификации. Возможность ее основывалась на познаваемости прошлого и его «общности», что позволяло выявлять различия в одном и том же смысловом поле («Мы и Они»). В постмодернизме ситуация радикально изменилась – само прошлое стало «другим», «чужим», потеряло общие основания, что сделало невозможным сравнение с другим обществом, а только лишь со своим настоящим.

Понятие «Другой» впервые было предложено В. Дильтеем в XX веке в ранний период его творчества и знаменовало появление идеи реконструкции [13].

В словарях Д. Н. Ушакова [16, с. 804] и В. И. Даля [7, с. 509] выделяются два основных значения данного термина: «другой» предстает и как сходный, и как различный. В. Дильтей разрабатывая теорию «сопереживания», «вживания», «вчувствования» как средства интерпретации культуры прошлого, вначале употребляет этот термин в значении «отдельность», которая может выступать не только как различие, но и как похожесть. Во второй период своей деятельности Дильтей делает упор на различии. Он считает, что внутренний опыт не может дать возможности осознать свою индивидуальность. «Только в сравнении себя с другими, – пишет он в своей монографии “Жизнь Шлейермахера”, – я познаю индивидуальное во мне: я сознаю только то, что во мне отличается от другого» [Цит. по: 5, с. 397].

Впоследствии, прошлое как Другое концептуализируется в работах как историков, так и философов. Например, известный историк Ф. Шатле в своей работе «Рождение истории: формирование исторического мышления в Греции» отвергает идею возможности учиться у прошлого [13], а французский историк и философ М. де Серто определил сущность деятельности историка как определение отличия настоящего от своего «другого» (прошлого) [Там же].

Д. Лоуэнталь употребляет еще более «сильный» термин, называя историческое прошлое «чужим», «чужой страной» [12]. Понятие «чужой» предполагает более глубокий уровень различия, граничащий с несопоставимостью. Поэтому, несмотря на большие успехи ученых во всех областях знания, «обитатели» прошлого для современников непостижимы: узнать, «каким оно было для тех, кто там действительно жил», невозможно. «История, – делает вывод философ, – стала полностью непредвиденной, беспрецедентной, непредсказуемой» [Там же, с. 6]. Она уже не мыслится как некий иерархический ряд обществ, различающихся только тем, что находятся на различных стадиях развития. «Ныне мы уже более не считаем экзотические народы живыми ископаемыми нашего собственного прошлого, – пишет Д. Лоуэнталь. – Напротив, мы воспринимаем их как обитателей чуждых миров, которые действуют совершенно иначе, чем мы, и исходят из иных соображений» [Там же].

Централизованность, линейность и однонаправленность исторического процесса, в основе которого лежит представление о социально-историческом времени сменяется «ризомностью». Термин «ризома», как известно введенный Ж. Делезом и Ф. Гваттари, означает множественность и неопределенность направлений временных потоков [10]. Прошлое же в рамках этого понимания, становится «сочетанием различных областей, каждая из которых обладала собственными мотивами и механизмами» [12, с. 6].

Прошлое, потерявшее целостность, разбитое на множество фрагментов, непредсказуемое, уже не мыслится как историческая реальность, «детерминирующая нас», а только как, по словам В. Н. Сырова, нарративно-организованное описание, «которое нас не удовлетворяет и потому чуждо нам. Чуждость состоит в том, что мы перестаем считать его нашим настоящим» [14]. Человек выбирает его так же, как и будущее, поэтому историческое прошлое приобретает черты персонального прошлого.

Ж. Делез показал «чуждость» прошлого и его подобие будущему через представление о том, что модусы времени – это не «три части одной временности», а два прочтения времени. Одно из них он называет, как известно, Хроносом. Это время «зависит от материи, которая ограничивает и заполняет его». Оно «составлено только из сплетающихся настоящих». Настоящее здесь приобретает статус единственной реальности, которой подчиняются (входят в его состав) уже не существующее прошлое и еще не существующее будущее. Прошлое и будущее находят свое выражение в бестелесном Эоне, который «освободился от собственной материи, ускользая в двух смыслах-направлениях сразу: в прошлое и в будущее» [9, с. 92]. То есть прошлое, в модерне бывшее осуществленным, свершившимся, а значит укорененным, теперь не отличается от будущего и чуждо настоящему.

Оригинальное понимание «чуждости» прошлого выдвинуто современным американским исследователем Филиппом Езингтоном. Он полагает его отличным не только от настоящего, но и от будущего, это, во-первых, а во-вторых, прошлое противопоставляется и самому времени. Кроме того, он предлагает иной критерий различия. Прошлое, по его мнению, существует только в пространстве и измеряется координатами

пространства-времени. Оно не может существовать во времени, так как время не может быть ограниченным, поэтому исследователи для его характеристики используют пространственные метафоры. Историческое прошлое, по его мнению, – это подобие карты с обозначенными местами (топосами), которые возникли в результате деятельности человека [21, р. 465].

Прошлое, как нарративно-организованное описание, представляет собой множество интерпретаций одного и того же события, которые, по Анкерсмицу, не только различаются, но должны различаться. Он пишет, что если при исследовании историографического текста «мы имеем только одну интерпретацию некоего исторического события, то мы не имеем его интерпретации вообще. Нарративные интерпретации взаимно определяют друг друга и идентифицируются как “интертекстуальные отношения”» [2, с. 45].

Ж. Деррида, основоположник деконструктивизма, в этом смысле идет еще дальше, заявляя, что сами тексты могут отличаться от самих себя. Для объяснения этого он вводит термин *différance* / тождественность, которая не идентична себе, вместо *difference* / разница, несходство. Он пишет, «этот след в равной мере относится и к так называемому будущему, и к так называемому прошлому, он образует так называемое настоящее и силу самого отношения к тому, чем он сам не является» [20, р. 13].

Таким образом, прошлое, представлявшееся в модернистской традиции действительностью, являвшееся «прирученной» областью, все более превращается в «незнакомое», «утрачивает» реальность. Оно больше не является «нашим» прошлым, а становится настоящим «других». Настоящее выступает как современность – новая реальность, не зависящая от прошлого. Между прошлым и настоящим существует различие и оформляется «разрыв». Таким образом, историческое прошлое, недоступно в качестве реальности.

Представления о «чуждости» прошлого о его недоступности для исследователя, о его текстовой природе неизбежно привели к проблемам возможности его познания.

Одной из таких проблем, во-первых, является та, что прошлое в нарративе описывается с помощью сущностей реально в прошлом не существовавших (это, например, «Ренессанс», «социальная группа» и так далее) [3, с. 135]. Во-вторых, как утверждает Уайт, «само по себе прошлое, – это мириады фактов, состояний и событий, бесформенный хаос данных, который успешно сопротивляется его “осмыслению” историком» [Цит. по: Там же, с. 136]. В-третьих, отрицается преемственность исторического познания. Как считает Анкерсмит каждый историк, опираясь в конкретных деталях на чужие работы, в целом, должен все начинать сначала. Ни одно повествование не является «картиной» прошлого: историк не может опереться на авторитеты и не может осуществить сравнение описания с реальностью прошлого, как это было в рамках модернистской традиции, потому что историческая реальность не признается существующей, на нее, по словам Анкерсмита, «нельзя взглянуть». Поэтому исследователем не воссоздается, а конструируется «исторический ландшафт» [Там же, с. 128].

Таким образом, прошлое, по Анкерсмицу, является отчужденным, и знание о нем может быть доступно не только путем рефлексии над признаваемой модернистами исторической реальностью, но и другими способами. Признавая трудности в достижении ясности и понятности нарратива, Анкерсмит выдвигает идею соприкосновения с прошлым, непосредственного опыта его восприятия.

Выделяя три вида исторического опыта: объективный, субъективный и возвышенный, он, в данном контексте, делает упор на последнем. Возвышенный исторический опыт является переживанием различия между прошлым и настоящим. Это различие и выступает как объект не только опыта, но и исторического познания в целом. Он полагает, что человек способен иметь подлинный опыт прошлого, и это опыт ностальгии. Понятие «ностальгия» трансформировалось из психологии и стало достоянием ряда социально-гуманитарных наук, в том числе и истории. С точки зрения Анкерсмита, ностальгия – это мост между физическими реалиями прошлого и эмоциями человека [1, с. 367]. Таким образом, познание прошлого – это переживание несоответствия того, как чувствовалось прошлое и как чувствуется настоящее.

Способ достижения исторического знания это – чувства, эмоции человека. Для того чтобы объяснить возможность такого непосредственного прикосновения к прошлому и получения исторического знания, он вводит понятие «персональное прошлое», которое мало отличается от коллективного прошлого [Там же].

Х. Уайт видит возможность доступности исторического прошлого в переводе его в текст и построении нарративной субстанции, которая поможет исследователю создать его ясную и понятную репрезентацию, организовав хаос разрозненных данных, сделать достоянием настоящего, то есть преодолеть его чуждость. Уайт, так же как и Анкерсмит, предлагает способ восстановления прошлого через исторический опыт, но принципиально иным способом.

Признавая, что прошлое не существует в качестве объективной реальности, Х. Уайт все-таки не отвергает его полностью: он считает, что оно появляется в момент его опытного постижения. Это, по его мнению, может произойти с помощью форм, тропов (метафора, метонимия, синекдоха и ирония), на которые опирается историк в своем исследовании [17, с. 491]. Их выбор основывается, прежде всего, на его моральных или эстетических соображениях.

С точки зрения российского исследователя В. Н. Сырова «интрига» или «сюжет» исторического повествования определяется не произвольным выбором, а вытекает из целеполагающей и целедостигающей деятельности, которая лежит в основе исторического повествования [14].

Прошлое у него, помимо прочего, выступает как опыт, как своеобразное пространство для выделения опытов. Другими словами цель, которую ставит перед собой историограф, «определяет необходимость выбора той или иной индивидуальности», а индивидуальность самой ситуации «индивидуализирует и выбор свойств изучаемого объекта» [Там же].

Таким образом, сомнения, зародившиеся в рамках модернизма по поводу достоверности знаний о прошлом, приводят к пересмотру его содержания и роли в историческом познании. Это выразилось в отрицании существования исторической реальности, как в онтологическом, так и в гносеологическом плане. Историческое прошлое теряет «телесность», мыслится как нарратив, признается изменчивым и недостижимым для получения достоверного знания.

Прошлое так же выступает как «другое», «чужое» для субъекта познания, так как он находится в настоящем, а прошлое – это настоящее для других. Субъект может лишь определить различие между прошлым и настоящим с современных позиций.

Историческое прошлое в представлениях постмодернистов полагается лишь частью неразделимого единства (прошлое, настоящее, будущее), при этом отличаясь от будущего лишь направлением относительно настоящего.

Постмодернизм отвергает возможность рационального познания прошлого, выдвигая на первый план опыт: опыт ностальгии, опыт построения нарративной субстанции, опыт целеполагающей деятельности и др. Данные виды опыта основываются, соответственно, на эмоциях, эстетических и моральных соображениях субъекта и на деятельности субъекта.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 608 с.
2. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломеец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
3. Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
4. Буллер А. О предмете и методе теории исторического познания // Логос. 2001. № 5-6 (31).
5. Гайденок П. П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. 495 с.
6. Гуссерль Э. Собрание сочинений / пер. с нем.; сост., вступ. ст., пер. В. И. Молчанова. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. 162 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]: в 4-х т. СПб. – М., 1880. Т. 1. 812 с. URL: <http://runivers.ru/lib/book3178/10117/> (дата обращения: 31.10.2015).
8. Данто А. Аналитическая философия истории / пер. с англ. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришиной. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
9. Делез Ж. Логика смысла. М. – Екатеринбург, 1998.
10. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома [Электронный ресурс]. URL: vk.com/doc184482549_189854454?hash=fad6578b6e212adfe0&dl... (дата обращения: 19.09.2015).
11. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. 486 с.
12. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: Владимир Даль; Русский Остров, 2004. 624 с.
13. Савельева И., Полетаев А. История как знания о прошлом [Электронный ресурс]. URL: www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/06.html (дата обращения: 19.09.2015).
14. Сыров В. Н. Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу [Электронный ресурс]. URL: <http://любому.рф/index.php/stati/80-sovremennye-perspektivy-filosofii-istorii-povorot-k-narrativu> (дата обращения: 31.10.2015).
15. Сыров В. Н. Сущность и значение исторического знания в современном мире в контексте образовательной ситуации [Электронный ресурс]. URL: <http://любому.рф/index.php/stati/74-sushchnost-i-znachenie-istoricheskogo-znaniya-v-sovremennom-mire-v-kontekste-obrazovatelnoj-situatsii> (дата обращения: 31.10.2015).
16. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. 1562 с.
17. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
18. Хайдеггер М. Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 391-406.
19. Brentano Fr. Philosophische Untersuchungen zu Raum, Zeit und Kontinuum. Hamb., 1976.
20. Derrida J. «Ousia et gramme». *Marges de la philosophie*. Paris: Editions de Minuit, 1972.
21. Ethington Ph. J. Placing the Past: 'Groundwork' for a Spatial Theory of History // *Rethinking History: the journal of theory and practice*. 2007. Vol. 11. No. 4. P. 465-493.
22. Goldstein L. J. Historical Knowing. Austin, etc.: Univ. of Texas Press, 1978. 242 p.

HISTORICAL PAST: LOST POSITIONS

Borovkova Ol'ga Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Borovkov Aleksandr Mikhailovich, Ph. D. in Philosophy
Rubtsovsk Industrial Institute (Branch)
of Polzunov Altai State Technical University
o.v.borovkova@gmail.com; bam-alexsan@yandex.ru

The article analyzes the changes of the ideas about historical past, which is conditioned by the complexity and ambiguity of this category. Gradually accumulated mistrust to the validity of knowledge about the reality of the past in the framework of the traditions of modernism led to the review of its positions by post-modernists, who deny its stability and self-sufficiency. The past isn't considered as historical reality anymore and is characterized in the terms of "other", "alien". In this connection the problem of the cognition of historical past, the solutions of which are presented in various forms, appears.

Key words and phrases: historical past; historical science; social-historical time; narrative; nostalgia.